

Philosophy /
of Religion
Философия
религии

DOI: 10.22250/2072-8662.2017.3.66-80

Аринин Е.И.

Религия как «релѣя»: между политикой, поэтикой и логикой (XIV–XVIII вв.)

Исследование поддержано грантом РФФИ-ННИС (15-23-06002, 2015–2017)

Аннотация. Статья анализирует ключевые этапы вхождения латинского слова «религия» в российский интеллектуальный контекст, сделавшие его одним из ключевых терминов современной философской культуры. Выделяется содержание первых случаев использования слова «религия» в некоторых русскоязычных текстах XIV–XVIII веков. Отмечается дифференцирование «веры-чужих», «веры-дворца» и «веры-народа» как форм, обусловленных конкретным

историческим контекстом отношений России и Европы. Феноменологический аспект проблемы, позволяющий выявить универсальное содержание «феномена религии как таковой» в его многообразных историко-социальных «формах проявления» непосредственно сталкивается с очевидным фактом, состоящим в том, что «религия» является, прежде всего, словом, входящим в ряд известных «русскоязычных» источников. Автор выявляет аспекты филологического измерения религии, которые во многом обуславливают сущностные особенности политического, поэтического и социологического измерения данного понятия.

Ключевые слова: религия, конфессия, Россия, Европа, феноменология религии, филологическое измерение религии

Evgeniy I. Arinin

Religion as «Relѣя»: Between Politics, Poetics, and Logic (the 14th – 18th Centuries)

The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Humanities and German Research Foundation, 15-23-06002, 2015–2017

Abstract. The article analyzes the key stages of entering of the Latin word «religion» into the Russian intellectual context, which made the word one of the key terms of modern philosophical culture. The paper provides contents of the first uses of the word «religion» in several Russian-language texts of the 14th – 18th centuries. Differentiation of «faith-alien», «faith-palace», and «faith-people» forms happened due to the specific historical context of Russian and European relations. The phenomenological aspect of the problem allowing to reveal the universal maintenance of “the phenomenon of religion per se” in its diverse historical and social “forms of manifestation” directly faces the obvious fact that “religion” is, first of all, the word entering into a row of the known “Russian” sources. The author reveals aspects of philological measurement of religion, which in many respects cause intrinsic features of political, poetic, and sociological measurement of this concept.

Key words: religion, denomination, Russia, Europe, Phenomenology of Religion, philological measurement of religion

Аринин Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета; 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; eiarinin@mail.ru

Evgeniy I. Arinin – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University; 87 Gorky str., Vladimir, Russia, 600000; eiarinin@mail.ru

Обратившись сегодня к русскоязычному сектору системы Google, легко обнаружить, что слово «религия» там встречается в 44 500 000 доступных всем документах (на 19.12.2016). Научные тексты, начиная с эпохи платоновской «Академии» и трактата «О душе» («Περὶ Ψυχῆς») Аристотеля, её самого известного «выпускника», и до современных диссертаций, начинают описание любого феномена, являющегося предметом исследования, с детального анализа работ предшественников. Очевидно, что простое чтение указанных 44 500 000 текстов, даже если на каждый из них тратить только по 1 секунде, потребует 515 дней непрерывного чтения, причём, в духе событий, описанных в древней апории «Ахилл и черепаха», за эти 515 дней будут, несомненно, опубликованы и новые тексты, появляющиеся во «всемирной паутине» каждую секунду. Это, строго говоря, ведёт к эксплицитной неисполнимости указанного выше основного требования преемственной традиции «доказательного знания», которая уже около 2500 лет отделяет себя от «мнения», «поэтики» и «политики».

В определённой степени проблема может быть решена путём дробления этого массива текстов на сравнительно обозримые исторические фазы, сфокусировавшись на изучении только, к примеру, русскоязычных печатных текстов XVI века, или выбрав ряд «ключевых» текстов, на которых можно наглядно показать изменения в понимании изучаемой проблемы. При этом, однако, возникают по меньшей мере две проблемы:

- 1) квалификация тех или иных текстов в качестве «русскоязычных» (исторически связанных со старорусскими, старобелорусскими, староукраинскими, древнерусскими, восточнославянскими, древнеславянскими и т.п. «языковыми общностями»);
- 2) «переводимости» текстов, поскольку слово «религия», согласно авторитетному этимологическому словарю Макса Фасмера, входит в русский язык только в начале XVIII века, в связи с чем можно поставить вопрос «была ли религия у русских, к примеру, в XVI столетии?» [Фасмер, 1987, 446].

Фактически, насколько удалось обнаружить автору этих строк, только с XVIII века в России действительно стали издаваться книги, в название которых вошло слово «религия», при этом за всё это столетие из более чем 14 000 опубликованных текстов к таким принадлежит только 5 (при этом 4 были переводными), первая из которых (1722, перевод с латыни «Sistema de religione et statu Imperii Turcici», 1719) была посвящена исламу [Книга]. Три следующие книги были изданы в 1785 году, одна из которых описывала «истинные правила христианского воспитания» [Правила, 1785]. Вторая содержала размышление о «судьбе религии» в духе «вольных каменщиков» [Судьба, 1785]. Третья была попыткой утвердить «истину религии» против «неверия вольнодумцов и натуралистов» в объяснении «тайн естества» [Штендер, 1785]. Оригинальным российским произведением стало только последнее издание, посвящённое отечественной духовной поэзии (М.М. Вышеславец, 1798) [Приношение, 1798]. Подтверждает в определённой мере данные Фасмера и электронный ресурс «Национальный корпус русского языка», где слово «религия» встречается в 1407 отдельных документах при 3961 вхождении (на 19.12.2016) [Национальный корпус, <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>]. Его, согласно этой базе данных, начинают употреблять именно с XVIII века (6 авторов, 1783, 1785, 1788, 1790, 1793, 1799), причём в XIX веке оно вошло уже в 248 документов, а за последние 114 лет его включили ещё в 1 155 новых текстов, при этом общие «пиковые» значения приходится на начало XX века (1916, 1913 и 1919), вновь резко нарастая к нашим дням.

Как отмечал Э. Бенвенист, именно этот термин «до сих пор в европейских языках остаётся единственным и устойчивым словом, для которого никогда не предлагалось ни эквивалента, ни замены» [Бенвенист, 1995, 396]. Вместе с тем отнюдь не везде в Европе используется именно эта лексема, как, к примеру, в чешском («náboženství»), словацком («náboženstvo»), венгерском («vallás»), финском («uskonto»), исландском («trú»), шотландском («creideamh»), греческом («θρησκεία») или древнерусском («вѣра», «закон») языках. Критично к этому термину порой относились в литературе советского периода, где некоторые авторы писали о длившейся сотни тысяч лет «дорелигиозной эпохе формирования общественного сознания»

[Зыбковец, 1959, 3–5]. Такая трактовка, однако, не принималась известным этнографом С.А.Токаревым [Токарев, 1979, 87–105]. Вместе с тем, в мировом религиоведении тоже иногда делаются попытки отказаться от термина «религия», поскольку он представляется весьма многозначным и неопределённым, в связи с чем некоторые исследователи предлагают его заменять более верифицируемыми терминами «исторически сложившаяся традиция» и «личная вера мужчин и женщин» [Кимелев, 1989, 152–154]. В то же время СМИ сообщили недавно о сенсационном обнаружении немецкими исследователями «религии шимпанзе» [Немецкие ученые, <http://ren.tv/novosti/2016-03-02/nemeckie-uchenye-zayavili-o-nalichii-u-shimpanze-sobstvennoy-religii>]. Таким образом, у шимпанзе исследователи могут допускать наличие «феномена религии», тогда как у ряда представителей рода Homo и даже целых сообществ этого рода живых существ на протяжении тысячелетий его наличие может отрицаться.

В таком контексте возникает проблема выявления понятия о «феномене религии» как таковой, позволяющего осуществить сравнение столь разных явлений как, к примеру, «практики шимпанзе», «шаманское камлание», «почитание греками богов Олимпа» или «тринитарную доктрину», решить которую можно попытаться в духе известной работы В.Н. Ярхо («Была ли у древних греков совесть?», 1972) [Ярхо, 1972, 253]. Эта проблематика иногда обретает полемический пафос, когда даже название книги может формулироваться как вопрос «есть ли религия у русских?» [Зосимовский, 1911, 63].

Феноменология религии или «есть ли религия у русских?»

В.Н. Ярхо в упомянутом выше тексте представил перспективную и, на наш взгляд, эвристичную методологию анализа слова «совесть», взятого им, с одной стороны, как обозначение трансисторического «феномена», присутствующего под несколькими именами в разных культурах, тогда как, с другой, как названия эксплицитного конкретно-исторического явления, имеющего различные трактовки в античности и Новое время, отказываясь от распространённой точки зрения, что «латинская conscientia является калькой с *συνείδησις*, якобы возникшей в греческом философском лексиконе», предпочитая «довольно основательные соображения в пользу взгляда, что понятие conscientia впервые сформировалось в сфере римского судебного красноречия и уже оттуда перешло в нравственную философию Цицерона, Сенеки и последующую греческую прозу» [Ярхо, 1972, 253]. Таким образом, хотя у древних греков и отсутствовало слово «совесть», появившееся только в латинской культуре, но именовать их «бессовестными», как и представителей всех других, «нелатинских» культур, как очевидно, будет некорректно.

В этой связи представляется уместным вспомнить, что слово «религия» в целом ряде случаев выступает как обозначение понятия «оценочно-нормативного идеала», часто используемого в полемических целях, когда, к примеру, прожив в России 14 лет, Жозеф де Местр (Joseph de Maistre, 1753–1821), католик, масон, философ и дипломат описывал «религию и нравы русских», отмечая, что у них «наблюдается всеобщее тяготение (особенно со стороны двора) к тому, чтобы совсем покончить с религией» и «греческая религия есть не что иное, как ненависть к Риму» [Жозеф де Местр, 2010, 38, 57]. Другой автор уже начала XX века, задавшись вопросом «есть ли религия у русских», на протяжении почти 600-страничного обсуждения этой темы в упомянутой выше книге периодически делал вывод, что «у русских нет религии» [Зосимовский, 1911, 63, 94, 103, 108, 185 и др.].

Эти дискуссии во многом связаны с проблемой формулировки трансисторического понимания термина «религия», который историками и социологами (наряду с теологами, богословами и «верующими») в России и Европе XVIII–XX веков часто отождествлялся с православием, христианством или мировыми религиями в целом, противопоставляясь, в духе христианской и библейской теологии, «магии» («шаманизму», «колдовству» и т.п.), что, в частности, нашло своё отражение и в известной антропологической концепции Дж. Фрезера (Sir James George Frazer, 1854–1941), различавшей «магию», «религию» и «науку» как стадии глобального мировоззренческого развития человечества («The Golden Bough: A Study in Magic and Religion», 1890). Для литературы средних веков была характерна принципиально

другая семантика, выделяющую нормативную «религию», противопоставляемую маргинальным «языческим суевериям» и девиантным «ересям» [Аринин, Атабеков, Викулов, 2015, 101–105]. В такого рода текстах, к примеру, староверческих, как отмечает М.О. Шахов, «старообрядцы различных согласий взаимно отрицали православность друг друга...», отказываясь и от общего термина «старообрядчество», поскольку «используя его, они объединяли в одном понятии истинно Православную церковь (т.е. своё собственное согласие) с еретиками (т.е. старообрядцами других согласий)» [Шахов, 2002, 51].

Средневековые значения, в свою очередь, исторически восходили к дохристианской семантике слова «religio», которая почти за 800 лет развития Древнего Рима зафиксировала более десятка прямых и переносных значений с тысячами смыслов [Дворецкий, 1976, 866]. Первое широко известное в мире определение религии, как известно, сформулировал Цицерон, согласно которому «religio» как «святое и благочестивое почитание богов состоит в том, чтобы всегда благоговеть перед ними с чистым неиспорченным сердцем и словом» [Цицерон, 2002, 127]. Ю.Ю. Першин обратил внимание на то, что у Цицерона можно заметить стремление отделить «religio» в качестве термина, маркирующего именно нормативно-возвышенные «первую философию» и «достойное благочестие», от девиантного «superstitio» («суеверия», «ложного благочестия») и маргинального «cultus» («поверхностного благочестия», «обрядоверия») народа [Першин, 2014, 161]. Семантически близкие дискуссии о «подлинной религии» (должном, достойном и легитимном), «терпимом» (маргинальном, неполноценном, как, к примеру, «детская религиозность», «суеверия народа») и «нетерпимом» (девиантном, запретном, «преступном») сохраняются в гражданском «светском обществе» вплоть до наших дней, когда не только публицисты, но и учёные пишут о «квазирелигиозности», «псевдорелигиях», «лжерелигиях» и т.п. [Элбакян, 2006, 515–516].

Для интерпретации религии как «эмпирического феномена», на наш взгляд, удачной является концепция одного из крупнейших социальных философов XX века Никласа Лумана (Niklas Luhmann, 1927–1998), который полагал, что религию во всех её культурно-исторических формах можно определить как универсальный антропологический феномен «надзирания за неизвестным», который в бесписьменных культурах приобретает образ «магико-ритуальных» практик, сменяемых имперскими «универсальными теологиями» и современной «свободой совести» эпохи «массмедиа» [Аринин, 2013, 97–105]. В таком феноменологическом понимании, у «русских», несомненно, была, есть и будет «религия», как и у всех других представителей «Homo sapiens».

Филологическое измерение «религии»

Феноменологический аспект проблемы, позволяющий выявить универсальное содержание «феномена религии как таковой» в его многообразных историко-социальных «формах проявления», непосредственно сталкивается с очевидным фактом, состоящим в том, что «религия» является, прежде всего, словом, входящим в ряд известных «русскоязычных» источников. Под «русскоязычными» мы в рамках данного текста будем понимать сочинения предельно широкого характера, т.е. «древнерусские», «западнорусские», «южнорусские», «старобелорусские», «староукраинские» и т.п. Слово «религия», согласно словарю М. Фасмера, эксплицитно входит в русский язык только в «петровскую эпоху», фиксируясь как «релія» («релия» и др., 1705) в заметках князя Б.И. Куракина (1676–1727), сподвижника Петра Великого [Фасмер, 1987, 446]. Представляется важным рассмотреть основные денотаты (значения) и коннотаты (смыслы) термина (слова) «религия», существовавшего тогда в форме нескольких лексем («релии», «религии» и т.п.), исторически формировавшихся в конкретных обстоятельствах отношений России (Руси) и Европы.

Куракин писал, что в одном европейском городе могут проживать «трехъ релій (религии) люди: римляне, лютори и риформаты», что другая «...провинція граничить съ Голландією, и въ той провинціи гораздо много лерій (религий): католиковъ, также и выше того бискупа упомянули и тотъ провинцій вся католицка» [Куракин, 1890а, 127, 128]. Довольно детально им описывается ситуация в Англии, где «всѣ подь именемъ реформиты реліи, только же есть въ нихъ между реформиты

раздѣленіе и другъ другу противныя. Первые называются бышкуплике, другіе конформисты, а въ провинціи Шкотлантской и тѣмъ обеимъ противны, которые называются нонъ конформисты, другіе называются дезентеирштъ; и такъ есть въ Англіи четыре реліи (религіи) розныхъ» [Куракин, 1890а, 145].

У римскихъ католиковъ Б.И. Куракинымъ описывается обрядъ экзорцизма какъ «коварственной обманъ» и «политика для простокства», которые помогаютъ поддерживать такими «миракули» в народѣ страхъ и твёрдость въ «релижіи»: «Въ Римѣ есть монастырь законниковъ отейновъ. Ѳундаторъ Санъ Гайтоно. Костель Santo Andreio de la Vali, въ которую по вся недѣливъ въ среду приводятъ бѣснующихъ, которые одержимы дьявольскою болѣзною, для исцѣленія. И есть одинъ изъ тѣхъ законниковъ, которому дана та ауторита отъ папы, что можетъ надъ ними молитвы читать и исцѣлять отъ тѣхъ болѣзней, и духовъ нечистыхъ выгонять. А въ другихъ мѣстехъ никто того не можетъ дѣлать, имѣтъ такой силы. И многіе на тотъ коварственной обманъ сходятся и смотрятъ того прокуратства 1), токмо тотъ подъ разсужденіемъ умныхъ людей есть добрая политика для простокства 2) въ содержанію твердою въ релижіи въ страхѣ такими миракули» [Куракин, 1890а, 202–203]. Сообщаетъ онъ и «о Римѣ нѣкотораго секрету духовнаго» про «молодыхъ релижіозовъ» и орденъ «домникановъ, которые смотрятъ и остерегаютъ всѣ слабости релижіи католицкой. И такъ имѣютъ ауториту, что и самого папу могутъ судить, ежели бѣ что кардиналы или папа самъ противность какую въ церкви своей учинили, или хотя бѣ папа секретно началъ чинить, а увѣдали бы въ сантофиціи, могутъ, взявъ его судить, и по правомъ чего надлежитъ тому и осудить» [Куракин, 1890а, 104].

Характерно, что князь используетъ термины «церковь», «монастырь» и «архиерей» въ отношеніи иноверцевъ: «Пріѣхаль въ Полоцкъ въ полдень. Полоцкъ городъ не великъ, гораздо только лучше Витебска, на рѣкѣ Двинѣ, въ которомъ воеводою панъ Слушка, и тутъ-же архиерей уніатской фамиліи Бѣлозеръ, старой челоувѣкъ, которой предѣтъмъ былъ римлянинъ, а нынѣ уніагомъ. Церквей уніатскихъ много, и монастырь базилианской, конвентъ іезуитской, въ которомъ 60 братовъ, конвентъ доминиканской 20 братовъ и домнишки есть инья; церковь благочестивая, при которой мѣшкаютъ ченцы» [Куракин, 1890а, 214]. Вместе съ темъ, такое собирательное использование терминовъ «церковь», «монастырь», «епископъ» и т.п. въ отношеніи «чужихъ» и «иноверцевъ» отечественные авторы обычно старались избегать ещё съ конца XV вѣка [Кириллин, <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187849>].

В текстахъ Куракина не используется терминъ «православіе» и его производные, но выделяется своя «церковь благочестивая» («благочестивой монастырь»), противопоставляемая всемъ остальнымъ «релижіямъ». Исследователи отмечаютъ, что терминъ «сияющее благочестіе» сложился въ периодъ возвышенія Московскаго княжества въ качестве устойчиваго поэтическаго наименованія «Церкви Христовой» какъ «традиціи Московскаго правоверія» [Белякова, 2008, 219–221]. Возможно, это началось съ 1454 года, когда кафедра влиятельнаго епископа Сарскаго и Подонскаго (1261–1454), который и сегодня по традиціи въ качестве «Митрополита Крутицкаго и Коломенскаго», является «Патриаршимъ Наместникомъ», т.е. вторымъ по значимости лицомъ въ Московскомъ Патриархатѣ, была перенесена изъ Сарай-Бату, столицы слабеющей «Золотой Орды» въ подмосковныя Крутицы, ближе къ новому центру политической силы. Можно сказать, что въ заметкахъ князя Куракина формулируется «религиовѣдческий подходъ» къ описанію «религіозныхъ феноменовъ», сходный для научныхъ экспедицій и историческихъ повѣствованій той эпохи. Денотатомъ этого слова для него являются разныя «вѣры иноземцевъ», которымъ противостоитъ собственная «церковь благочестивая», не подпадающая подъ «зонтичный» терминъ «релижія», охватывающий только католиковъ, лютеранъ и реформатовъ. Коннотативно князь объединяетъ эти разныя «confessio» и «denominatio», часто считающіе другъ друга «ересью», подлежащей немедленному искорененію, въ качестве иноземныхъ «дикиновъ» и «куриезовъ», которые онъ стремится описывать вполне «беспристрастно».

В этомъ контекстѣ можно отметить и то, что въ русскомъ языкѣ (въ широкомъ значеніи) первоначально возникли прилагательныя «православный», «православная» и т.п. (Вѣра, церковь и т.п.), которые, начиная со «Слова о Законѣ и Благодати» (1037–1050) и другихъ древнерусскихъ письменныхъ памятниковъ, встречаются въ текстахъ

наряду с такими поэтико-метафорическими эпитетами как «христианская», «благочестивая», «благовѣрнии», «крестьянская», «правoverная», «преславныя», «простославныя» и т.п. [Гладкова, Демин, Капица, 1996, 57]. В качестве особого «конфессионализма», обозначающего исключительно княжеское и царское «христианство Москвы», собственно «Вѣру» как государственное исповедание, именно это слово отбирается элитами и начинает широко употребляться только с конца XVI – начала XVII века «на волне создания Московского централизованного государства и его борьбы за независимость, с которой совпадает процесс образования Русской христианской автокефалии» [Колосов, Павлова, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php]. Во второй половине XVII века акцент на «правильность славления» именно в «царской церкви» усиливается в контексте противостояния с «еретиками-раскольниками» в ходе «Никоновской реформы». Сходные семантические и лексические тонкости присутствовали и ранее, к примеру, в текстах второй половины XV века, связанных с событиями «Флорентийской унии» (1439), учреждением московской автокефальной митрополии (1448) и турецким захватом Константинополя (1453), когда «грекам» и «православным» начинают противопоставляться «окаянная латыня», своей «церкви» – чужая «божница», собственным «епископам» – латинские «бискупы» и т.п. [Кириллин, <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187849>].

Возвращаясь к Куракину, важно отметить, что он кратко, но вполне показательно, описывал и проводимый Петром Первым почти три десятилетия карнально-пародийный «всеплутейший, сумасброднейший и всепьянейший собор князя Иоанникиты, патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кукуя» (1691–1724), где «вместо Евангелия была сделана книга, в которой несколько стклянок с водкою», т.е. «всё состояло там в церемониях празднество Бахусово», когда «постановление тем патриархам шутошным и архиереям бывало в городе помянутом Плешпурхе, где была сложена вся церемония в терминах таких, о которых запотребно находим не распространять, но кратко скажем к пьянству, и к блуду, и всяким дебошам» [Куракин, 1890б, 254–255]. Такое пародийное, но весьма регламентированное «скоморошество для элиты», вполне сочеталось в сознании элиты с введением в Российской империи предельно серьёзного «Регламента или устава духовной коллегии» (1721), несколько редакций которого готовились с 1718 года, превратившего подданных империи из причастников «сияющего благочестия», в прихожан «Всероссийской церкви» [Верховский, 1916, 15]. Слово «религия» в сам текст «Регламента» не вошло, как и в новый для этого периода перевод Библии («Елизаветинская Библия», 1751).

Ранее, в XVII веке термин «релѣя» фиксируется как перевод слова «вѣра» в одном из первых «словарей иностранных слов» – киевском «Лексиконе» Павлы Берынды (1627) [Павла Беринда, 1627, 24]. Его содержит и второе издание, вышедшее в типографии Кутейнского монастыря (1653) [Лексикон, 1653, 36]. Термин «релѣя», в свою очередь, встречается в ещё более ранних текстах эпохи Брестской унии («Unia brzeska», «Берасьцейская унія», «Берестейська унія», 1596), где бурно обсуждались проблемы людей «релѣи греческой», требовавших для себя «вольности набоженства» («Апокрисис» и др.). Так, в «Апокрисисе» говорилось о людях «старожитной релѣи греческой» («religiey greckiey»), «Грецкого набоженства», «Греческой релѣи», «Ориентальной (Восточной) Греческой и набоженства христианского», терпевших притеснения от приверженцев «папѣжа», «костела Римского», «Римского набоженства», «Римской релѣи» и «Римской вѣры» [Апокрисис, 1882, 1003–1004, 1008, 1010, 1018, 1804.]. Вместе с тем, в денотат слова «релѣя» в этом тексте не входили «еретические секты», представителей которых тогда называли «диссидентами» («dissidentes de religione», т.е. «несогласными», именовавшимися нетерпимыми «отщепенцами», «изменниками», «отступниками» и «раскольниками», или, более терпимо, «инакомыслящими») [Соболев, <http://www.pravenc.ru/text/153469.html>]. К ним иногда причисляли и упомянутых выше «греков» («православных», «схизматов»), но в полемической литературе самих «греков» в основном подразумевались братства «лютеран», «социан» («антитринитариев») и «реформатов» («кальвинистов»).

Вся эта семантика стала возможной после бурной эпохи «Reformatio» (1517–1648), принятия «Confessio Augustana» (1531), утверждения принципа «cuius regio, eius religio», закреплённого «Pax Augustana» («Augsburger Reichs- und Religionsfrieden», 1555) и учреждения особой политической общности славян – «Республики», государства «Rzeczpospolita» («Królestwo Polskie i Wielkie Księstwo Litewskie», 1569). В нём королевский двор и большинство населения, принадлежа к «Римской вѣре» («Римскому набоженству», «Римской релѣ»), на протяжении целого поколения придерживались политики веротерпимости в соответствии с духом и буквой первого в мировой истории «Акта Варшавской конфедерации» («Akt konfederacji warszawskiej», 1573), включённого в список ЮНЕСКО «Память мира» («UNESCO Memory of the World Register») [Poland, http://web.archive.org/web/20080520235227/http://portal.unesco.org/ci/en/ev.php-URL_ID=7748&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html]. В этом документе впервые в мировой истории были представлены в качестве рядоположенных и равноправных «religionis christianaе», «dissidentes de religione», люди «greckiej wiary» и приверженцы «jedno rzymskiego kościoła».

Этот сложившийся нормативный порядок был нарушен в результате прихода к власти нового короля (Zygmunt III, Z Bożej łaski król Polski, wielki książę litewski, ruski, pruski, mazowiecki, żmudzki, inflancki, a także dziedziczny król Szwedów, Gotów i Wenedów, 1587). Сигизмунд III был сторонником буквы и духа «Concilium Tridentinum» (1545–1563), стремившийся привести «схизматиков» (людей «Грецкого набоженства» Киевской Митрополии) из юрисдикции константинопольской «Великой Церкви Христовой» («ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία») в юрисдикцию «Ecclesia Catholica Romana». Так возникла особая юрисдикция «Ecclesia Ruthena unita» («Ruski Kościół Unicki», «Руська Унійна Церква», «Руская Уніяцкая Царква», «униаты», «Русская Униатская Церковь», «грекокатолики» и т.п.), учреждённая в результате Брестской унии, при этом снисходительно сохранявшая «народные обычаи благочестия». «Великая Церковь Христова» и «Вселенский Патриархат» («Οικουμενικό Πατριαρχεῖο Κωνσταντινουπόλεως») были с 1453 года подданными Османской империи и заложниками противостояния «Pax Christiana» и «Pax Islamica», превратившись в представителей не единственно господствующей, как некогда (393–1453), но только терпимой для иноверной власти этноконфессиональной общности «millet-i Rûm» («римской общины», «общины ромеев») [History, <http://www.patriarchate.org/patriarchate/history>]. Брестская уния породила ряд проблем, ответом на которые и стал «Апокрисис» (печать польского текста – 1597, западнорусского – 1598). В Московском царстве, удвоившем свою территорию за XVI век, в это время происходит рецепция эсхатологической идеи «translatio imperii» («Москва – третий Рим», 1524), учреждается патриаршество (1589), однако «сияющее благочестие» оказывается, после взятия Казани (1552) и вплоть до наших дней, самой представительной, но, тем не менее, не единственно влиятельной «вѣрой» и «законом» этого нового геополитического центра в Европе.

В свою очередь, слово «релѣ», по-видимому, стало входить в «русский» (в широком значении) язык ещё за два столетия ранее, во время формирования «Великого князства Литовского, Руского, Жомойтского и иныя», фиксируясь в юридических текстах «Привилеев», начиная с 1387 года (ortodoxae ac catholicae fidei, sanctae fidei atque religionis catholicae, sanctam fidem catholicam), когда эти территории соединились с владениями «Królestwo Polskie» [Прывілей вялікага князя, <http://starbel.narod.ru/d040.htm>]. Польские земли приняли слово «religio» как обозначение именно традиции «ortodoxae ac catholicae fidei», «sanctae fidei atque religionis catholicae», «jedno rzymskiego kościoła» еще с 966 года, а литовские, перед угрозой «Pax Mongolica», с 1251. Можно отметить ещё и то, что XIII столетие явилось веком предельного роста могущества «Ecclesia Catholica Romana», традиция «благочестия» которой становится универсальным эксклюзивно-уникальным олицетворением «Pax Christiana», поскольку в 1204 году второй влиятельный глобальный центр в Константинополе стал столицей «Латинской империи» («Empire latin de Constantinople»), патриарх которой принял юрисдикцию «Patriarcha Occidentis» в Риме.

«Великое княжество Литовское» несколько столетий стремилось, в конкуренции с усиливавшимся в то же время «Великим княжеством Московским» (1363–1547) и «Русским царством» (1547–1721), выходящим в тот период из политической системы «*Rex Mongolica*», достичь прежнего единства всех территорий «роуьскаа земля» Рюриковичей, населённых приверженцами, в терминах того времени, «нашея преславная вѣры» («людые хрестьяньстѣи», «крестьяни» и т.п.), объединённых стремлением к жизни «в законѣ крестьяньстѣм». Слово «вѣра», как уже отмечалось выше, встречающееся с эпохи «крещения Руси» («Слово о Законе и Благодати», XI в.), обозначало братство приверженцев к «истине» тех, кто принял княжеский «законъ грѣчкый» [Аринин, 2016, 22]. Исторически слово «вѣра» имело около десятка значений, наряду с «законом» и «истиной» [Вера, 1975, 79–80]. В этом контексте утвердились слова «правоверие» и «благочестие», обозначающие «истинную веру» («правыа и непорочныа вѣра») [Словарь, 1992, 116, 228, 229]. Для современного российского самосознания слово «вера» имеет совсем иные коннотации, когда никто не сможет потребовать, чтобы для выяснения «истины» в ходе судебного разбирательства «исцу с ответчиком учинити вера, образное хождение» [Успенский, 2008, 122].

В свою очередь, эти вопросы связаны с дискуссионной проблематикой «крещения Руси», т.е. начала приобщения в VIII–X веках князей «роуьскаа земля» к глобальному сообществу «*Καθολικῆς Εκκλησίας/Ecclesia Catholica*» миссионерами из Рима, Константинополя и Ирландии, которые несли им своё и не всегда совпадавшее понимание «правоверия» тогда ещё единой и универсальной имперской «*Εκκλησίας*»/«*Ecclesia*», географически разделенной на патриархаты, часть которых попала под власть «*Rex Islamica*» [Петрухин, 2014, 380–385, 393]. При этом ирландских монахов-миссионеров иногда называли «греками» за редкое в ту эпоху знание греческого языка, учёность и фактическую близость в понимании ряда теологических вопросов не к «ветхому», но к «новому Риму».

Таким образом, слово «религия» эксплицитно пришло в русский (в широком значении) язык в течение XIV–XVIII веков (но, возможно, и ранее), когда использовалось несколько лексем («релѣя», «релія», «релея», «лерія», «религія», «релижия», «религия», «реллигія» и т.п.). Его денотатами в этот период последовательно были: «*Ecclesia Catholica Romana*», «*Οικουμενικό Πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως*» и европейские «*Confessio*» эпохи Реформации. Коннотации включали в себя дифференцирование своего «сияющего благочестия» («вѣры», «закона») от иноземных «релижий», при этом все они могли иногда собирательно именоваться «христианством», в котором различались феномены «правоверия», «невежества» и «ереси», где первое выступало как политическая «норма» (должная, легитимная и истинная «вѣра»), второе – как частично терпимая «маргинальность» («вѣроваия» женщин, детей, «невежд»), а третье – как абсолютно нетерпимая «ложь отступников» («невѣрие» безбожных «еретиков» и «раскольников»), достаиваемых порой «костра» ради их же «спасения».

Политическое, поэтическое и социологическое измерение «религии»

Отмеченные филологические особенности отражали изменчивые политические реалии этих столетий. Так, Пётр Первый с 1702 года, утверждая себя как «Христианского Монарха», приглашал «иноземцев» для «пользы Государства», обещая им «свободное отправление богослужения всех других, хотя с Нашею Церковию не согласных Христианских сект», специально подчёркивал, что «Мы по дарованной Нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому Христианину на его ответственность печись о блаженстве души своей», как это сравнительно недавно стало утверждаться в «*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae*» после «*Westfälischer Friede*» (1648) в качестве новой кучьтурной нормы, которая, как он отмечал, «обыкновенно водится у других Европейских Монархов» [1910 апреля 16, 1830, 192–195]. В 1721 году в Российской империи «сияющее благочестие» ставится под управление новой структуры, где роль патриарха на два последующих столетия начинает исполнять новый коллективный орган – «Святѣйшій Правительствующій Синодъ», главой которого являлся император или императрица.

В 1722 году, как уже отмечалось выше, слово «религия» использует Д.К. Кантемир (1673–1723), который, по просьбе Петра Первого, называемого им «веры православныя всебодрственнейшему защитителю» в «Православнороссийской Монархии», в 1722 году сделал перевод своей монографии «Книга Свстима, или Состояние мухаммеданския религии» («Sistema de religione et statu Imperii Turcici», 1719), где постарался создать вполне объективное и детальное описание этой чужой «религии Османской империи», эпизодически именуя её «зловѣрием», противопоставляемым «вере православной» и «закону Христианскому» [Книга, 1722, 3, 5]. Таким образом, через тексты Куракина и Кантемира термин «религия» начинает входить в политический язык столичной элиты как обозначение феномена «иноверных исповеданий» («зловѣрия» мусульман и «Христианских сект») в соседних с Российской империей государствах, противопоставляемых своей «Вѣре» («Закону»), которую начинают именовать в двух основных дискурсах – образно-поэтичном («сияющее благочестие», «Святая Божия Церковь» и т.п.) и официально-формальном («Всероссийская церковь», «Грекороссийская церковь» и т.п.).

Термин «Грекороссийская церковь» отражал политику власти на демонстративную сопричастность к «Οικουμενικό Πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως» в противопоставление значительно ослабленной к XVIII веку, но, несомненно, авторитетной и влиятельной «Ecclesia Catholica Romana», особенно в контексте болезненного «польского вопроса». Российская империя позиционировала себя в качестве новой геополитической силы, стремящейся выражать и защищать интересы «глобального правосмыслия», соединяющего как «древние восточные патриархаты», так и ряд «приверженцев правоверия» из Европы. Очень показательны в этом плане отношения с возникшим в 1707 году государством «The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland». Так, к примеру, беседы Петра Первого в 1699 году с архиепископом Кентерберийским, духовным главой «Church of England», которая ещё в 1534 отделилась от «Ecclesia Catholica Romana», содержали и обсуждение возможности покупки земли и строительства храма в Лондоне (с 1715 – домовый храм Успения Пресвятой Богородицы при российской дипломатической миссии, где богослужение велось греками и на греческом языке, а средства на их содержание поступали из России). Князь Куракин в 1715 году обсуждал проект торгового договора с Англией, где специально, в духе «Вестфалия», оговаривалось, «... чтоб подданные его великобританскаго величества имели свободное отправление веры своей по обыкновению английской церкви во всех землях его царскаго величества и что равным же образом и подданные его царскаго величества иметь будут в Великобритании свободное отправление закона своего по обыкновению греческой церкви», что «...церкви и отправление веры в королевствах его великобританскаго величества российскаго народу греческаго исповедания равенственно позволено будет, яко же реформатскаго закону в российском государстве позволение именют» [Первые шаги, http://www.e-reading.club/chapter.php/1032609/61/Komandorova_-_Russkiy_London.html]. Таким образом, на политическом уровне и в дипломатическом лексиконе возникала традиция рядоположения чужой иноверной «религии» и собственно «сияющего благочестия» как «легитимных исповеданий», где «легитимность» фактически признавалась важнее «конфессиональных особенностей», ранее квалифицировавшихся только как «отступничество» в «ересь», «раскол» и «безбожие», с представителями которых нельзя было не только причащаться, но даже есть из одной посуды.

Одновременно, в 1716 году «шесть английских епископов из числа так называемых «неприсягавших» (non-jurors), т.е. не признававших королём Англии Вильгельма III Оранского (1688–1702), даже составили «проект соглашения между «православным остатком Британских Церквей и Кафолической, Апостольской, Восточной Церковью», желая отделиться от «Church of England» для объединения с юрисдикцией «греков» [Сарни, 2012, 11]. Тем самым термин «ортодоксальность» начал двойиться, поскольку так именовали себя не только приверженцы «сияющего благочестия» Российской империи, «Великой Церкви Христовой» («ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία») в Османской империи и «Ecclesia Catholica Romana» («ortodoxae ac catholicae fidei»), но и некоторые «приверженцы официального англиканского

протестантизма», считающие себя более «право-верными», чем официальное исповедание «Church of England» и стремившиеся к единению с легитимным «сияющим благочестием» юрисдикции «русских/греков». Поскольку прежний центр глобального «сияющего благочестия», т.е. «Οικουμενικό Πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως», стал «турецким», то именно «Святѣйшій Правительствующій Свнодъ», который возглавляли «Императоръ Всероссійскій» или «Императрица Всероссійская», приобрёл статус нового влиятельного политического центра всемирного «Восточного Христианства», приверженности «традициям изначального благочестия» и значимого «игрока» в глобальной геополитике, примером которой был известный «Греческий проект» Екатерины Великой, «Императрицы Всероссійской», парадоксально сочетавшей в себе образы «ученицы Вольтера» и «главы греческой церкви». При этом этот «проект» встретил сочувственное отношение со стороны как «светского человека» Вольтера, так и католика, императора «Sacrum Imperium Romanum», Иосифа II.

Сама Екатерина Великая, бывшая в девичестве прусской принцессой Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg, переходя перед замужеством в 1744 году из «Evangelisch-lutherische Kirchen» в «Грекороссийскую церковь», в переписке с отцом и беседах с духовником, архиепископом Симоном (С.Ф.Теодорским), слушавшим лекции в «Alma Mater Hallensis» (университете Галле), мировом центре пиетизма, отметила общую основу «нашей святой религии» («notre sainte religion») в этих «исповеданиях», констатируя, что хотя «внешние обряды очень различны, но Церковь видит себя вынужденною к тому во внимание к грубости народа» [Сборник, 1871, 3, 6, 29–30]. В таком контексте можно говорить о дифференцировании по меньшей мере двух массовых и социологически явных для представителей эпохи «образов благочестия» – «грубой вѣры народа» и «просвещённой вѣры престола».

Прежние границы «своего» и «чужого» изменяются, поскольку «Единая Церковь Божия» («церковь благочестивая» и «господствующее исповедание»), как и «философия» Вольтера в глазах власти стала искренне восприниматься как «функциональный» феномен геополитики. Так «искренняя» и философски изощренная «вѣра престола» (к примеру, в духе «истинного христианства» влиятельных идей книги «Vom wahren Christenthum», Johann Arndt, 1605, переведённой в 1735 году упомянутым выше С.Ф.Теодорским и изданной на русском языке в Галле, но запрещённой в России уже в 1743 году при очередном «похолодании») сталкивалась с не менее «искренней», но догматически строгой «вѣрой архипастырей» (нормами «господствующего» церковного института) и «искренней», но «грубой» и невежественной «вѣрой народа», в контексте которых показателен пример «староверия». Осуждённое как преступная «ересь» в XVII веке, это движение в XVIII веке начинает переосмысливаться властью в качестве маргинального «упрямого невежественного суеверия», признаваемого тоже вполне «искренним» и заслуживающим «снисхождения».

«Ради блага Отечества» элита «престола» была вынуждена конструировать и удерживать сложный баланс отношений между отмеченными «формами искренности», характеризующийся своего рода «мерцанием» между попытками гомогенизировать население принудительной «христианизацией» и актами «веротерпимости», поддерживающими «природный» исповедальный плюрализм населения огромной страны. На уровне «народа» имелось т.н. «двоеверие» или даже «поливерие», т.е. своего рода «мозаичная вѣра» когда, к примеру, ещё и в начале XX века нагайбаки, жители посёлка с экзотичным для Оренбургского края названием «Париж», в период летней засухи сначала пригласили православного священника «отслужить в поле молебен для испрошения дождя», но, когда желаемого не случилось, то совершили моление на «могиле татарина», «после чего» и начались дожди [Белоруссова, 2016, 44]. Возможно, будь рядом шаман, к нему тоже бы обратились за помощью, как, к примеру, это произошло с конвоирами протопопа Аввакуума, который рассказывал, как их очевидно «православный» воевода, заставлял «иноземца шаманить, сиречь гадать» («с победою ли будут дома?») и тот («волхв») стал «волхвовать», «скакать, и плясать, и бесов призывать», в результате чего «беси сказали: „С победою великою и з богатством большим будете назад“, что оказалось «ложью» [Житие, 1861, 49].

Ж. Ваарденбург писал, что «в большинстве случаев религиозная составляющая этой жизни не является столь исключительной или преобладающей, как это представляется» элитам, пытающихся «усилить однородность своих сообществ» [Ваарденбург, 2004, 66]. Это наглядно проявляется в ходе современных социологических исследований, к примеру, студентов ВлГУ, где можно говорить не столько о делении на «верующих» и «неверующих» или «православных» и «инославных», которых, подобно растениям или минералам, можно занести в соответствующие «каталоги» и «классификации», фиксирующие их «видовые» и «родовые» идентификационные признаки, характеризующие их ботаническую или минералогическую «самотождественность», сколько о своего рода «живой», «импульсивной», «спонтанной», «диффузной», «мгновенной» и т.п. религиозности, характерной для индивидов с «мерцающей идентичностью» в наше «турбулентное время», где личность непосредственно «отзывается» на вечную «ностальгию по настоящему», устойчивый «ближний круг» общения и текущие «медийные» сенсации [Аринин, Петросян, 2016, 71–77].

В этой связи и в завершении темы можно отметить, что в современном написании как «религия» это слово дважды использовал М.В. Ломоносов в «Проекте регламента академической гимназии» (1758), где предписывались наказания за оскорбление религии [Костылев, 2011, 80]. В его работах можно встретить прямой перевод высказывания «ревнителей к православию» как «Eifererin der Religion», т.е. «православие», российское «сияющее благочестие», трактуется им как феномен, тождественный иноверным «Religion» [Ломоносов, 1955, 768]. Вместе с тем, он провёл различие между глобальной «наукой», покоящейся на универсальных «твёрдых основаниях» и «некой религией», т.е. общностью, покоящейся на «уверениях», имеющей только «местный» («групповой», «конфессиональный») характер [Ломоносов, 1952, 413]. Таким образом, можно говорить о дифференциации к концу XVIII века, с одной стороны, молчаливо-обрядовой «вѣры народа» (покрывавшей «знахарей», «волшебников», «раскольщиков» и т.п.) и, с другой, возвышенных форм элит, включающих в себя приверженцев политической «вѣры престола» («notre sainte religion» Екатерина Великой), поэтико-догматической «вѣры архиереев» (ревнителей чистоты «сияющего благочестия»), поэтико-литературной «вѣры стихотворцев», поэтико-мистической «вѣры эзотеризма» мартинистов («вольных каменщиков» и т.п.), поэтико-педагогической «вѣры воспитателя», дополняющиеся логически формулируемой нормативной «вѣрой академиков» (Ломоносов) и беспристрастной точностью этнографических описаний «вѣры иноземцев» (Куракин, Кантемир). Начинается поиск «строго определённого значения» термина «религия», способного обозначить некую универсальную «сущность», логично объединяющую «сияющее благочестие», «латыню», «христианские секты», «магометанское лжевѣрие» и сибирское «шеманство», присутствующие в субкультурах населения регионов «Российской империи» той эпохи.

Библиографический список

1. 1910. Апреля 16. Манифест. О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания/Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том IV. 1700 – 1712 гг. – СПб.: Тип. П Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. – С.192–195.
2. History of the Ecumenical Patriarchate [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchate.org/patriarchate/history> (дата обращения: 11.05.2017).
3. Poland – The General Confederation of Warsaw [Электронный ресурс]. – URL: http://web.archive.org/web/20080520235227/http://portal.unesco.org/ci/en/ev.php-URL_ID=7748&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 05.05.2017).
4. Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета в двух текстах, польском и западно-русском 1597–1599 // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А.М. Котомина и Ко, 1882. Кн. 2. – С. 1003–1004, 1008, 1010, 1018, 1804.
5. Аринин, Е.И. Особенности религиозности студентов / Е.И. Аринин, Д.И. Петросян // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 71–77.

6. Аринин, Е.И. Религия как «аутопойетическая» система в работах Никласа Лумана / Е.И. Аринин // *Религиоведение*. – 2013. – № 2. – С. 97–105.
7. Аринин, Е.И. Российское религиоведение и феноменология религии в попытках эксплицитного самоопределения / Е.И. Аринин // *Религия как аутопойетическая система: феномен и конфликт интерпретаций: коллективная монография под ред. д-ра филос. наук, проф. Е.И. Аринина*. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016.
8. Аринин, Е.И. Религия между нормативным, маргинальным и девиантным / Е.И. Аринин, Т.Р. Атабеков, И.Е. Викулов // *Религиоведение*. – 2015. – № 4. – С. 101–115.
9. Белоруссова, С.Ю. Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий / С.Ю. Белоруссова // *Религиоведение*. – 2016. – № 3.
10. Белякова, Е.В. Первые опыты русской церковной историографии / Е.В. Белякова // *Факты и знаки. Исследования по семиотике истории*. Выпуск 1. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 219–221.
11. Бенвенист, Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов* / Э. Бенвенист; пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс-Универс, 1995.
12. Ваарденбург, Ж. Христиане, мусульмане, иудеи и их религии / Ж. Ваарденбург // *Страницы: богословие, культура, образование*. – 2004. – № 9/1.
13. Вера // *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / гл. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 2. – М.: Наука, 1975. – С. 79–80.
14. Верховской, П.В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства в России. В 2-х тт.: Т. II. Материалы / П.В. Верховский. – Ростов-на-Дону: Скл. изд. у авт. и в кн. маг. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916.
15. Гладкова, О.В. Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. / О.В. Гладкова, А.С. Демин, Ф.С. Капица и др. – М.: Наследие, 1996.
16. Дворецкий, И.Х. *Латинско-русский словарь* / И.Х. Дворецкий; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1976.
17. *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное*. – СПб., 1861.
18. Жозеф де Местр. *Религия и нравы русских*. – СПб.: «Владимир Даль», 2010.
19. Зосимовский, З.В. Есть ли у русских религия? / З.В. Зосимовский. – СПб.: Типография журнала «Строитель», Фонтанка 66, 1911.
20. Зыбковец, В.Ф. Дореволюционная эпоха. К истории формирования общественного сознания / В.Ф. Зыбковец. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
21. Кимелев, Ю.А. Современная западная философия религии / Ю.А. Кимелев. – М.: Мысль, 1989.
22. Кириллин, В.М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе [Электронный ресурс]. – URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187849> (дата обращения: 30.04.2017).
23. Книга Сустима, или состояние мухаммеданския религии напечатана повелением его величества Петра Великого императора и самодержца всероссийского в типографии царствующего Санктпитебургха лета 1722 в 22 день. – СПб.
24. Колосов, В. К этимологии терминов «православие» и «православные» / В. Колосов, Т. Павлова [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php (дата обращения: 01.05.2017).
25. Костылев, П.Н. М.В. Ломоносов и научное изучение религии / П.Н. Костылев // *Вестник Московского университета*, Серия 7. Философия. – 2011. – № 5.
26. Куракин, Б.И. *Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1707* / Б.И. Куракин // *Архив кн. Ф.А. Куракина*. Кн. 1. – СПб., 1890.
27. Куракин, Б.И. *История о Петре I и ближних к нему людях* / Б.И. Куракин // *Русская старина*. – 1890. – Т. 68. – № 10. – С. 254–255.
28. *Лексикон славеноросский Памвы Берынды, типография монастыря Кутейнского*. – Кутейна, 1653.
29. Ломоносов, М.В. *Dissertatio de liquido ed solido* / М.В. Ломоносов // *Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений*. Т. 3. – М.–Л.: АН СССР, 1952.
30. Ломоносов, М.В. *Приложения* / М.В. Ломоносов // *Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений*. Т. 4. – М.–Л.: АН СССР, 1955.
31. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorgora.ru/search-main.html> (дата обращения: 01.05.2017).
32. Немецкие ученые заявили о наличии у шимпанзе собственной религии [Электронный ресурс]. – URL: <http://ren.tv/novosti/2016-03-02/nemeckie-uchenyje-zayavili-o-nalichii-u-shimpanze-sobstvennoy-religii> (дата обращения: 02.05.2017).
33. Павла Берында «Лексиконъ славеноросскій именъ Тлъкованіе». – Киев, 1627.
34. Первые шаги православия в Лондоне [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1032609/61/Командорова_-_Russkiy_London.html (дата обращения: 02.05.2017).

35. Першин, Ю.Ю. Латинское слово religio: дополнительные значения и смыслы / Ю.Ю. Першин // Свеча-2014. Религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении. Т. 26. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014.
36. Петрухин, В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. / В.Я. Петрухин. – М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014.
37. Правила (истинные) христианского воспитания детей, предложенные в письмах, в которых содержатся также начальные основания христианской религии и жизни для людей всякого состояния; перевел с французского Максим Невзоров. – М., 1785.
38. Приношение религии, или собрание стихотворений Ломоносова, Хераскова, Державина, Карамзина и других. Издал М. Вышеславцев. 2 части. – М., 1798.
39. Прывілей Вялікага Князя Літоўскага і Караля Польскага Уладзіслава (Ягайлы) 1387 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://starbel.narod.ru/d040.htm> (дата обращения: 05.05.2017).
40. Сарни, М. Русская церковь в Лондоне. От Петра Великого до наших дней / М. Сарни. – Лондон; Москва: Издание Суражской епархии Русской Православной Церкви, 2012. – С. 11 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britannica.com/eb/article?tocId=9056963> (дата обращения: 27.04.2017).
41. Сборник Российского исторического общества. – 1871. – Т. 7.
42. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г.А. Богатова. Вып. 18. – М.: Наука, 1992.
43. Соболев, Л.В., Флоря, Б.Н. Броневский, М. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/153469.html> (дата обращения: 28.04.2017).
44. Судьба религии; пророчество, которое осмеяно будет, но исполнится. Посвященное всем разоряющим и назидующим христианство. – М.: Изданием Типографической компании, тип. И. Лопухина, 1785.
45. Токарев, С.А. О религии как социальном явлении (мысли этнографа) / С.А. Токарев // Советская этнография. – 1979. – № 3. – С. 87–105.
46. Успенский, Б.А. Право и религия в Московской Руси / Б.А. Успенский // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Выпуск 1. – М.: Языки славянских культур, 2008.
47. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / М. Фасмер; пер. с нем. и доб. О.Н. Трубачева. 2-е изд. стер. – М.: Прогресс, 1987.
48. Цицерон, М.Т. О природе богов / М.Т. Цицерон; пер. с лат. С. Блажеевского. – СПб.: Азбука-классика, 2002.
49. Шахов, М.О. Старобрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция / М.О. Шахов. – М.: Изд-во РАГС, 2002.
50. Штендер, Г.-Ф. Истина религии вообще в двух частях, из которых в первой доказыва-ется истина религии вообще противу неверия вольнодумцов и натуралистов; а во второй утверждается истина христианской религии, следуя священному писанию противу неверия натуралистов. Изданием Типографической компании / Г.-Ф. Штендер. – М.: Тип. И. Лопухина, 1785.
51. Элбакян, Е.С. Квазирелигиозность / Е.С. Элбакян // Религиоведение: Энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 515–516.
52. Ярхо, В.Н. Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии) / В.Н. Ярхо // Античность и современность. – М.: Наука, 1972.

Текст поступил в редакцию 19.05.2017.

References

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe* [Complete Collection of Law of the Russian Empire]. Vol. IV. 1700–1712 gg. St. Petersburg: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii 1830, pp. 192–195 (in Russian).
2. *History of the Ecumenical Patriarchate*. Available at: <http://www.patriarchate.org/patriarchate/history> (in English).
3. *Poland – The General Confederation of Warsaw*. Available at: http://web.archive.org/web/20080520235227/http://portal.unesco.org/ci/en/ev.php-URL_ID=7748&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (in English).
4. *Pamjatniki polemicheskoj literatury v Zapadnoj Rusi* [Monuments of Polemic Literature in Western Rus']. St. Peterburg: Tip. A.M. Kotomina i Ko, 1882. Book 2, pp. 1003–1004, 1008, 1010, 1018, 1804 (in Russian).
5. Arinin E.I., Petrosjan D.I. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Research]. 2016, no. 6, pp. 71–77 (in Russian).
6. Arinin E.I. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 2, pp. 97–105 (in Russian).

7. Arinin E.I. *Religija kak autopojetičeskaja sistema: fenomen i konflikt interpretacij* [Religion as Autopoietic System: The Phenomenon and Conflict of Interpretation]. Ed. by E.I. Arinin. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2016, p. 22 (in Russian).
8. Arinin E.I., Atabekov T.R., Vikulov I.E. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015, no. 4, pp. 101–115 (in Russian).
9. Belorussova S.Ju. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016, no. 3, p. 44 (in Russian).
10. Beljakova E.V. *Fakty i znaki. Issledovanija po semiotike istorii* [Facts and Signs. The Semiotics of History Studies]. Vol. 1. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2008, pp. 219–221 (in Russian).
11. Benveniste E. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, 1969 (Russ. ed.: Benveniste E. *Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov*. Moscow: Progress-Univers, 1995, p. 396).
12. Vaardenburg J. *Stranicy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie* [Pages: Theology, Culture, Education]. 2004, no. 9/1, p. 66 (in Russian).
13. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Ed. by S.G. Barhudarov. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1975, pp. 79–80 (in Russian).
14. Verhovskoj P.V. *Uchrezhdenie Duhovnoj Kollegii i Duhovnyj Reglament: K voprosu ob otnoshenii Cerkvi i gosudarstva v Rossii. T.II. Materialy* [The Establishment of the Spiritual Collegium and Spiritual Order: To the Issue of Church-State Relationship in Russia]. Rostov-na-Donu: Skl. izd. u avt. i v kn. mag.t-va A.S. Suvorina «Novoe vremja», 1916, p. 15 (in Russian).
15. Gladkova O.V., Demin A.S., Kapica F.S. *Drevnerusskaja literatura. Vospriятие Zapada v XI–XIV vv.* [Ancient Russian Literature. Perception of the West in the 11th – 14th Centuries]. Moscow: Nasledie, 1996, p. 57 (in Russian).
16. Dvoreckij I.H. *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkij jazyk, 1976, p. 866 (in Russian).
17. *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe* [Autobiographic Life of Protopope Avvakum]. St. Petersburg, 1861, p. 49 (in Russian).
18. Josef de Mestr. *Religija i nrawy russkikh* [Religion and Customs of the Russians]. St. Petersburg: «Vladimir Dal'», 2010, p. 38, 57 (in Russian).
19. Zosimovskij Z.V. *Est' li u russkikh religija?* [Do the Russians Have a Religion?]. St. Petersburg: Tipografija zhurnala «Stroitel'», Fontanka 66, 1911.
20. Žybkovec V.F. *Doreligioznaja jepoha. K istorii formirovanija obshhestvennogo soznaniya* [Pre-Revolutionary Epoch. To the History of Formation of Social Consciousness]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, pp. 3–5 (in Russian).
21. Kimelev Ju.A. *Sovremennaja zapadnaja filosofija religii* [Modern Western Sociology of Religion]. Moscow, 1989, pp. 152–154 (in Russian).
22. Kirillin V.M. «Chuzhoe» v drevnerusskikh skazanijah o Ferraro-Florentijskom sobore [“The Foreign” in Ancient Russian Legends about the Council of Ferrara-Florence]. Available at: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187849> (in Russian).
23. *Kniga Sustima, ili sostojanie muhammedanskija religii napechatasja poveleniem ego veličestva Petra Velikogo imperatora i samoderzha vserossijskogo v tipografii carstvujushhego Sanktpiterburha leta 1722 v 22 den'* [The Book of Sustim, or The State of Islam Printed by Order of His Majesty Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia in St. Petersburg, 1722]. St. Petersburg (in Russian).
24. Kolosov V., Pavlova T. *K jetimologii terminov “pravoslavie” i “pravoslavnye”* [To the Etymology of the terms “Orthodoxy” and “Orthodox”]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php (in Russian).
25. Kostylev P.N. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy]. 2011, 5, p. 80 (in Russian).
26. Kurakin B.I. *Dnevnik i putevye zametki knjazja Borisa Ivanovicha Kurakina. 1705–1707. Arhiv kn. F.A. Kurakina* [The Diary and Travel Notes of Knyaz Boris Ivanovich Kurakin. 1705–1707. F.A. Kurakin's Archive]. Book 1. St. Petersburg, 1890 (in Russian).
27. Kurakin B.I. *Russkaja starina* [Russian Antiquity]. 1890, vol. 68, no. 10, pp. 254–255.
28. *Leksikon slavenorosskij Pamvy Beryndy* [Russian Slavic Lexicon of Pamva Berynda]. Kutejna: Tipografija monastyrja Kutejnskogo, 1653, p. 36 (in Russian).
29. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collection of Works]. Vol. 3. Moscow–Leningrad: AN SSSR, 1952, p. 413 (in Russian).
30. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collection of Works]. Vol. 4. Moscow–Leningrad: AN SSSR, 1955, p. 768 (in Russian).
31. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (in Russian).
32. *Nemeckie učenye zajavili o nalichii u šimpanze sobstvennoj religii* [German Researchers Claim that Chimpanzee Have Their Own Religion]. Available at: <http://ren.tv/novosti/2016-03-02/nemeckie-uchenye-zayavili-o-nalichii-u-šimpanze-sobstvennoy-religii> (in Russian).
33. Pavma Berynda. *«Leksikon slavenorosskiji imen Tlkovanie* [Russian Slavic Lexicon. Explanation of Names]. Kiev, 1627, p. 24 (in Russian).
34. *Pervye shagi pravoslavija v Londone* [First Steps of Orthodoxy in London]. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/1032609/61/Komandorova_-_Russkiy_London.html (in Russian).
35. Pershin Ju.Ju. *Svecha-2014. Religija, religio i religioznost' v regional'nom i global'nom izmerenii* [Candle-2014. Religion, Religio and Religiosness in Regional and Global Dimensions]. Vol. 26. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2014, p. 161 (in Russian).

36. Petruhin V.Ja. *Rus' v IX–X vekah. Ot prizvanija varjagov do vybora very* [Rus' in the 9th – 10th Centuries. From the Summoning of the Varangians to the Christianization]. Moscow: FORUM; NEOLIT, 2014, pp. 380–385, 393 (in Russian).
37. *Pravila (istinnye) hristianskogo vospitanija detej, predlozhennye v pis'mah, v kotoryh sodержat'sja takzhe nachal'nye osnovanija hristianskoj religii i zhizni dlja ljudej vsjakogo sostojanija* [True Rules of Christian Education of Children Offered in Letters Containing Basics of Christian Religion and Life for All People]. Transl. from French by Maksim Nevzorov. Moscow, 1785 (in Russian).
38. *Prinoshenie religii, ili sobranie stihotvorenij Lomonosova, Heraskova, Derzhavina, Karamzina i drugih* [The Offering of Religion, or Collection of Poems by Lomonosov, Kheraskov, Derzhavin, Karamzin, etc.]. Ed. by M. Vysheslavcev. Moscow, 1798 (in Russian).
39. *Pryvilej Vjalikaga Knjazja Litovskaga i Karalja Pol'skaga Uladzislava (Jagajly) 1387 goda* [Rules of Great Knyaz and King of Poland Vladislav (Yagaila)]. Available at: <http://starbel.narod.ru/d040.htm> (in Russian).
40. Sarni M. *Russkaja cerkov' v Londone. Ot Petra Velikogo do nashih dnei* [The Russian Church in London. From Peter the Great to Our Days]. London; Moscow: izdanie Surozhskoj eparhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2012, p. 11 (in Russian).
41. *Sbornik Rossijskogo istoričeskogo obshhestva* [Collection of the Russian Historical Society]. 1871, vol. 7, pp. 3, 6, 29–30 (in Russian).
42. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Ed. by G.A. Bogatova. Vol. 18. Moscow: Nauka, 1992, pp. 116, 228, 229 (in Russian).
43. Sobolev L.V., Florja B.N. *Bronevsky M.* Available at: <http://www.ppravenc.ru/text/153469.html> (in Russian).
44. *Sud'ba religii; prorochestvo, kotoroe osmevano budet, no ispolnitsja. Posvjashhennoe vsem razorjajushhim i nazidajushhim hristijanstvo* [Religion's Destiny; The Prophecy that Will Be Laughed at, but Come True. Dedicated to All Who Ruin and Build Up Christianity]. Moscow: Izhdvieniemi Tipograficheskoi kompanii, tip. I. Lopuhina, 1785 (in Russian).
45. Tokarev S.A. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet Ethnography]. 1979, no. 3, pp. 87–105 (in Russian).
46. Uspenskij B.A. *Fakty i znaki. Issledovanija po semiotike istorii* [Facts and Signs. Researches of the Semiotics of History]. Vol. 1. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008, p. 122 (in Russian).
47. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Transl. by O.N. Trubacheva. Moscow: Progress, 1987, p. 446 (in Russian).
48. Cicero M.T. *O prirode bogov* [On the Nature of the Gods]. Transl. by S. Blazheevsky. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2002, p. 127 (in Russian).
49. Shahov M.O. *Staroobryjadcheskoe mirovozzrenie: Religiozno-filosofskie osnovy i social'naja pozicija* [Old Believer Worldview: Religious and Philosophical Basics and Social Position]. Moscow: Izd-vo RAGS, 2002, p. 51 (in Russian).
50. Shtender G.-F. *Istina religii voobshhe v dvuh chastjah, iz kotoryh v pervoj dokazyvaetsja istina religii voobshhe protivu neverija vol'nodumcov i naturalistov; a vo vtoroj utverzhaetsja istina hristijanskoj religii, sleduja svjashhennomu pisaniju protivu neverija naturalistov* [The Truth of Religion in General in Two Parts; The First Part Proves the Truth of Religion in General Against the Unbelief of Freethinkers and Naturalists; The Second One Confirms the Truth of Christianity Following the Holy Scripture Against the Unbelief of Freethinkers]. Moscow, Izhdvieniemi Tipograficheskoi kompanii tip. I. Lopuhina, 1785 (in Russian).
51. Elbakyan E.S. *Religiovedenie. Jenciklopedičeskij slovar'* [Study of Religion. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2006, pp. 515–516 (in Russian).
52. Jarho V.N. *Antichnost' i sovremennost'* [Antiquity and Present Time]. Moscow: Nauka, 1972, p. 253 (in Russian).